

Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней.**СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. - 207 с. Тираж 600 экз.***Вадим Семенов***кандидат философских наук, доцент факультета социологии СПбГУ**

В работе Вадима Мусаева продолжается разговор о повседневной жизни Петрограда в годы революции и Гражданской войны, начало которому было положено коллективной монографией «Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны»¹. Свою задачу автор рецензируемой работы, В.И.Мусаев, видит «в проведении систематического исследования по истории преступности (в более широком понимании этого слова, чем просто уголовная преступность) и деятельности правоохранительной системы в Петрограде в период с Февральской революции 1917 г. до конца «эпохи военного коммунизма» в 1921 г.» (С.7). При этом автор отдает отчет в необходимости использования категориально-понятийного аппарата социологии для анализа криминогенной ситуации. И во введении, давая небольшой обзор «социологических теорий» делает выбор в пользу социологической теории аномии в варианте, предложенном Эмилем Дюркгеймом. Согласно В.И.Мусаеву «аномию Дюркгейм характеризовал как условие, когда традиционные нормы больше не действуют, а новые еще не развились в достаточной степени»(С.9). Основываясь на таком понимании аномии, автор формулирует следующую исходную, для его исследования, концептуальную позицию: «Революционный слом старого слоя всегда влечет за собой такие перемены, так что резкий рост преступности в российских городах после 1917 г. вполне можно объяснить при помощи теории аномии в интерпретации Дюркгейма»(С.10). В этой формулировке обращает на себя внимание упоминание о российских городах, а не о Петрограде, хотя книга, от первой и до последней страницы посвящена только Петрограду. Упоминание о городах совсем не случайно, ибо для автора, Петроград этого периода - типичный большой российский город. Показательно, в этом плане, замечание автора, что «как мегаполис, город <Петроград> мало чем отличался от Москвы»(С.191). Если никаких принципиальных отличий между Петроградом и Москвой не было, то как понять итог данной работы, постулирующий, что «преступность в Петрограде <этого периода> была самой высокой в стране»(С.202). Для автора данной работы очевидно, что преступность возникает вследствие определенных социальных катаклизмов: рост безработицы, дезертирство, слом прежней системы правоохранения, но это были процессы универсального порядка, охватывающие и другие города. Если автор не видит разницы в сложившейся тогда ситуации между Москвой и Петроградом, то правительство большевиков ее ощущало, можно сказать, физически. Иначе бы не уехали они из Петрограда в Москву, да еще таким (тайным) образом, как это было сделано в марте 1918 г. В.И.Мусаев практически не обращает внимания на факт переезда правительства большевиков из Петрограда в Москву, но ведь это напрямую связано с криминогенной ситуацией в городе. К началу 1918 года в городе было не менее 50-60 тысяч вооруженных, и по сути дела никому не подчинявшихся, солдат и матросов (С.27), не менее 20 тысяч

---

¹ «Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны». Отв. ред. Шишкин В.А. СПб., Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. 350 с. Тираж 800 экз. (В.И.Мусаев написал в этой книге главу «Быт горожан»).

уголовников (С.26), плюс огромное число люмпенизированных жителей города и беспризорников. К сожалению, в данной работе никак не сопоставляются эти цифры с той социально-демографической и сословной ситуацией, которая была на февраль 1917 года. Мало того, сама криминогенная ситуация описывается без учета жесткой сословной иерархии, существовавшей в столице Империи, хотя материал, имевшийся в распоряжении автора позволял все это осмыслить. В книге приводятся факты, свидетельствующие о сломе социальной дистанции между различными слоями и сословиями. Вот только один такой нагляднейший пример: «Один рабочий, участвовавший в операциях ЧК, рассказывал, что, когда он в составе конвоя сопровождал к месту расстрела группу офицеров, жена одного из приговоренных «следовала за отрядом и предлагала каждому пойти с ней, чтобы мужа отпустили. Я отошел с ней сторону, совершил акт пролетарской справедливости, но мужа все равно расстрелял» (С.184) Здесь описана ситуация аномии, безнормия, когда одна сторона - отчаявшаяся женщина - пренебрегает сословными, гендерными, моральными нормами поведения ради спасения мужа, а другая, - вооруженный рабочий, работавший с ЧК, - утверждает «новые», небывалые нормы поведения, пренебрегая даже этикой сделки, рассказывая об этом с бесхитростным цинизмом.

Криминальный контекст повседневности Петрограда 1917-20-ых гг., обусловил восприятие аномии как социально-приемлемого типа поведения. Отметим, что нигде в тексте, декларируемая во введении категория аномии не используется. Зато у автора есть понятие девиации, именно его он полноценно использует при анализе криминогенной ситуации. Заметим, что девиация – это тип социального поведения, существующий и в стабильном, «здоровом» обществе. К этому типу поведения относятся алкоголизм, проституция, наркомания, азартные игры и сопутствующие им шулерство, в то время как аномия - это такое состояние общества, при котором происходит распад норм, регулирующих социальное взаимодействие.. Результатом распада социальных норм и социального контроля становятся вакханалия разнузданности, серийные самоубийства, массовая беспризорность, людоедство, разрушение семейно-брачных отношений, групповые изнасилования, появления ранее не бывалых видов преступлений и т.д. Подмена категории аномии категорией девиация обусловлена тем, что саму аномию В.И.Мусаев рассматривает как крупномасштабную девиацию. Как внимательный историк он видит, что в этот период появились не бывалые ранее преступления: ограбления храмов, нападения на священников и, наконец, кровавые самосуды прямо в церкви в момент тайнодействия (С.86), но при этом не пишет о серийных самоубийствах, имевших место даже в 1925 году, после самоубийства С.Есенина, ни слова не говорится о масштабах беспризорности, о случаях групповых изнасилований (а такие в Петрограде были и после 1921 года²), и прочей патологии. Все это и позволяет сказать, что центральную для своего исследования категорию аномии он подменяет категорией девиации.

Свою работу он начинает с анализа заново формирующейся государственной правоохранительной системы в 1917 году, обращая внимание на ее неэффективность в борьбе с преступностью. Под преступлением автор понимает только тот вид деяний, которые попадают под

---

² Известное дело о групповом изнасиловании крестьянки на Лиговке, произошедшее в 1926 г., имело огромный общественный резонанс (появился даже термин «чубаровщина» - обозначавший разнузданность, хамскую вседозволенность, и т.д.). Показательно, что это произошло в тот период, когда криминогенная ситуация в городе была взята под контроль, а такие случаи стали восприниматься как аномия. См. об этом: Найман Э. Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание// Советское богатство. Ст. о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект, 2002.

статью в уголовном кодексе³, это еще одна причина, почему самоубийства и беспризорность вне поля его внимания. Такой государственно-центристский подход к социальным отношениям не позволяет увидеть и проанализировать социальные структуры, обеспечивающие в обществе порядок. Именно разрушение этих структур и порождает аномию.

Автор не раз пишет о росте агрессивных настроений в обществе, но причины этого роста не объясняет. Он приводит немало фактов свидетельствующих о распространении самосудов в Петрограде, но видит их причину только в слабости государственных органов власти, т.е. милиции. Между тем в «нормальном обществе» «социальная ткань» плотна, существуют фигуры социальных контролеров (община, соседские community, трудовой коллектив, приход, гетто и т.д.), они и осуществляют социальный контроль и надзор над поведением индивидов. При аномии у общества нет сил на осуществление социального контроля за поведением индивида, в то время как в обычное время любая девиация осуждается и репрессируется социальными контролерами. Поэтому при «нормальном» социальном порядке невозможно появление той же, к примеру, массовой беспризорности, ибо общество осуществляет контроль и давление за осуществлением родительских обязанностей по отношению к ребенку. При аномии, при распаде «социальной ткани» общества, при исчезновении и дискредитации значимой фигуры социального контролера, стало возможным бросать своих детей, не кормить их, не социализировать.

Сегодня уже можно сказать, что аномия российского общества началась еще до революции, когда происходил отрыв крестьянина от общины, об этом свидетельствует рост аборт, подкидышей, уголовных преступлений, распространение бытового хулиганства в крупных городах⁴. Но до революции эти процессы сдерживались, с одной стороны, государством, а, с другой стороны, формирующимися социальными контролерами (на заводах, в фабричных поселениях, становившихся новыми структурами взаимной поддержки бывших крестьян в городе)⁵. Десакрализация царской власти, дискредитация авторитета Церкви с ее правами на регистрацию брака и смерти, распад патриархальной семьи, и иных общностей, опосредующих устоявшуюся связь индивида с имперским порядком, наступление формирующейся массовой культуры и мировая война сделали возможной аномию в российском обществе.

Посвящая целую главу девиантному поведению В.И.Мусаев обращает внимание на малое количество преступлений на сексуальной почве (С.182). Этот факт очень существенен для анализа криминогенной ситуации в Петроград. Не надо забывать, что речь идет о городе, наводненном криминолизированными вооруженными формированиями. Сам автор объясняет малое количество половых преступлений «не столько воздействием репрессивных мер, сколько естественными причинами»: «под влиянием голода и бытовых неурядиц понизилась сексуальная активность»(там же). В качестве авторитетного высказывания он приводит слова В.П.Шкловского: «У мужчин была почти

---

³ И это при том, что во введении декларируется исследование преступности «в более широком понимании этого слова, чем просто уголовная преступность» (С.7)

⁴ См. об этом Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., Издательство Российского Христианского гуманитарного института, 1996, с.45-89.

полная импотенция, у женщин исчезли месячные»(Там же.) Однако, надо заметить, что во-первых, Шкловский писал не о матросах, и солдатах, а о мирных гражданах, а во-вторых, голод, вплоть до алиментарной дистрофии, не влияет на снижение либидо - сексуального влечения, хотя и может привести к временной импотенции и аменорее⁶. То, что голод не влиял на интенсивность сексуальной жизни городского сообщества говорят и приводимые автором факты: даже в 1920 году, когда населения города резко сократилось⁷, в Петрограде было около 300 притонов и приблизительно 17 тысяч проституток (там же.). К сожалению, автор, опять же, не указывает на половозрастную и социально-стратификационную обстановку в Петрограде того периода.

Автор пишет, что «большевистские идеологии не признавали института продажной любви . Однако проституция и связанное с ней распространение венерических заболеваний были серьезной проблемой, городские власти не могли просто закрыть на это глаза» (с.184). Данная фраза не имеет смысла несмотря на свое «социологическое» звучание. Во-первых, нежелание легализовать проституцию, а автор имеет в виду именно это, не означает отрицание факта ее существования, и сам автор приводит примеры борьбы большевиков с проституцией. А, во-вторых, проституция никогда в России не являлась (и до сих пор не является) социальным институтом, ибо для институализация того или иного социального феномена необходимо признание всем обществом его социальной значимости. Ни тогда, ни сейчас, говорить о повсеместном признании социальной значимости проституции нельзя.

Если криминогенная ситуация в городе была практически не контролируема, а сексуальных преступлений, даже с учетом незарегистрированных, было не так много, как можно было бы ожидать, то можно предположить, что огромную массу вооруженных солдат, матросов оторванных от семей, не занятых работой, находящихся вне социального контроля, «обслуживала» достаточное количество проституток. Напомним, что проституция - это девиантное поведение, всегда имеющее рыночный модус существования: проститутка, что бы ее не толкало на этот путь, не работает бесплатно. Поэтому не коммерческая проституция - нонсенс. Исходя из этого логично предположить, что эти криминализованные массы солдат и матросов имели доступ к общественным ресурсам, которыми и расплачивались за эти услуги с профессионалками. Кто к каким ресурсам в городе имел доступ в 1917-1921 гг. – это и на сегодняшний день для историков неизвестно. И здесь снова встает вопрос о специфике Петрограда этого периода: какова была ресурсная база города, являвшегося на февраль 1917 г. столицей Империи? Об этом в данной книге ничего не говорится, но достаточно одной цифры: доход на душу населения в 1895 г. по Империи в целом был от 3 рублей 61 коп. (в предкавказских губерниях) до 19 рублей 34 коп. (в прибалтийских губерниях) , в то время как в Петербурге, и только в нем, он

---

⁵ Этот процесс проанализирован Р.Зидером на примере становления соседских сообществ наемных рабочих в Германии в начале XX в. См.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII -XX вв.). М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 143-178.

⁶ Как известно, сексуальная активность и женщин, и мужчин имела место и в концлагерях, и в ГУЛАГе, и в блокадном Ленинграде. См., к примеру: Женщины и Холокост: переосмысление исследований //Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи, 2000;

⁷ Достаточно указать, что население Петрограда с 2 415 700 человек в 1916 году уменьшилось до 722 229 в 1920 г., т.е. более чем в три раза (См. «Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны». СПб., Издательство «Дмитрий Буланин», 2000 С.61).

составлял - 99 рублей 06 коп⁸! Уже этой цифры достаточно, чтобы говорить об исключительном в материально-финансовом плане положении Петрограда по отношению ко всей остальной России. Как сейчас, для любого обывателя очевидна разница между уровнем жизни в Москве и во всей остальной РФ, включая Санкт-Петербург, так и тогда, была очевидна разница между уровнем жизни в столице Империи и во всех остальных ее частях. И не один горожанин того времени не сказал бы, что Петроград и Москва как мегаполисы мало чем отличаются друг от друга. К сожалению сейчас не для всех историков это очевидно.

---

⁸ См. Миронов БН. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1, Санкт-Петербург, Издательство «Дмитрий Буланин», 1999, С.33.